

Первым опомнился Лу Чжэнцин. Поспешив сгладить неловкость, он примирительно улыбнулся:

— Иньсюэ, ты, должно быть, ошибся. Юйань не умеет рисовать.

Когда мальчик только вернулся в семью, Чжэнцин как раз нанял известного местного художника для занятий с Юйнином. Узнав об этом, Юйань устроил сцену. Чтобы успокоить сына, отец пристроил его к тому же преподавателю, который когда-то давал азы Юйнину. Но Юйань не выдержал и нескольких дней монотонного труда: заскучал и бросил уроки.

Отцу оставалось лишь беспомощно развести руками.

— Вот как? Но если Юйань не умеет рисовать, откуда тогда на его пальцах следы лазурита? — Мо Иньсюэ посмотрел на тонкое запястье юноши. — Причём это «пятая лазурь» — тончайший помол, который сейчас днём с огнём не сыщешь.

Юйань растерянно опустил взгляд на левую руку. Лишь сейчас он заметил, что его мизинец испачкан мельчайшей синей пылью. Должно быть, случайно коснулся красок, когда помогал старику Ли.

— Хм... — Ян Чунгуй мягко перехватил руку юноши. Он осторожно потёр его палец, растирая между подушечками лазурные крупы. Черты лица мастера разгладились, явив неподдельный восторг: — Действительно, чистейший лазурит. Натуральный пигмент такой чистоты — невероятная редкость в наши дни.

В отличие от дешёвых синтетических аналогов, натуральный лазурит добывают из медной руды. Полученный порошок растирают особым способом. Закреплённый на рисовой бумаге с помощью квасцовой воды, он сохраняет первозданную яркость веками. На пальцах же Юйаня осела именно «пятая лазурь» — тончайшая фракция самого высокого качества, получаемая лишь после пятикратного отстаивания и перемывания минерала.

Достать её в обычных магазинах практически невозможно. Секретом её изготовления и использования владеют лишь те, кто посвятил жизнь традиционной китайской живописи — гохуа.

Ян Чунгуй бросил на Лу Чжэнцина долгий, многозначительный взгляд. В его голосе прозвучал невысказанный укор:

— И ты утверждаешь, что мальчик не умеет рисовать?

Если бы Юйань только-только переступил порог этого дома, неосведомлённость отца ещё можно было бы понять. Но ведь прошло уже четыре года!

Почему же родная семья ничего о нём не знает?

Даже если ребёнок скрытен и не делится переживаниями, долг любого родителя — чувствовать и понимать своего сына.

Лу Чжэнцин растерянно посмотрел на сына. В его груди шевельнулось странное, щемящее чувство. В его глазах Юйань всегда оставался колючим, несносным бунтарём. Он никак не вязался в его сознании с возвышенным искусством живописи — и уж тем более с образом покойной супруги, некогда лучезарно улыбавшейся за мольбертом в своей мастерской.

Но сейчас, вглядываясь в лицо юноши, Чжэнцин вдруг заметил в его чертах неуловимое сходство с матерью.

Отец с запоздалым изумлением осознал: сын изменился.

— Я... действительно не знал, — выдавил Чжэнцин. Голос его прозвучал глухо, в сердце уколола мимолётная вина.

Однако это чувство улетучилось, едва заговорил старший сын.

— Должно быть, Юйань увлёкся этим совсем недавно? Почему же ты молчал? — небрежно бросил Лу Ванбэй.

Лу Чжэнцин тут же ухватился за эту мысль. Конечно, сын просто увлёкся рисованием на днях, оттого и не успел рассказать. К тому же Юйань никогда не отличался разговорчивостью, а за последний год и вовсе замкнулся в себе.

Ванбэй был уверен, что брат предпочтёт отмолчаться и на этот раз.

Но Юйань вдруг расправил плечи и, сделав шаг вперёд, спокойно произнёс:

— Нет. Не недавно. Я учусь уже очень давно.

Ему хотелось рассмеяться им в лицо — настолько всё это казалось абсурдным.

Он никогда не делал из своего увлечения тайны. Просто за все четыре года, что он прожил под крышей дома Лу, никто даже не удосужился обратить на него внимание. Всем было плевать.

Ирония судьбы: его секрет раскрыл человек, которого он видел от силы пару раз в жизни.

Чего тогда стоили эти люди, которых он упрямо искал и помнил больше десяти лет? Где теперь те, кто в туманном детстве клялся защищать его до гробовой доски?

Юйань посмотрел на Ванбэя, но затем перевёл взгляд мимо него — туда, где стоял Мо Иньсюэ, единственный, кто заметил скрытое.

— Занимался несколько лет у одного выдающегося мастера, — тихо добавил он. — Но это так, ничего серьёзного. Просто любительские наброски.

Но сквозь горечь в его душе пробилось иное, неизведанное доселе чувство. Пройдёт немало времени, прежде чем он подберёт ему имя — чувство, что тебя наконец-то *заметили*.

В конце концов, этот небольшой спор замяли, посчитав его не более чем детским недоразумением.

Праздник катился своей колеёй: звенели бокалы, велись светские беседы, гости и хозяева расточали улыбки. Меню составили с учётом утончённых вкусов гостей — все блюда были лёгкими и изящными. Аппетита у Юйаня не было совершенно. Дождавшись окончания официальной части, он улучил минуту, проскользнул на кухню и вернулся оттуда с кусочком торта на маленькой фарфоровой тарелке.

Возвращаясь, он ещё издалека заметил в саду Мо Иньсюэ. Тот стоял с бокалом шампанского в компании Лу Чжэнцина и оживлённо беседовал. Шаги Юйаня невольно замедлились.

В серебряном свете луны Мо Иньсюэ в своей белоснежной рубашке казался особенно статным. Ткань обрисовывала крепкий, подтянутый силуэт. Должно быть, слегка захмелев, он расстегнул верхние пуговицы у воротника и стоял теперь расслабленно. Но даже в этой небрежной позе угадывалось врождённое, почти осязаемое благородство.

Подобную стать Юйань не раз наблюдал у отца и старшего брата. Ею обладали почти все, кто входил в их элитный круг — холёные, уверенные в себе люди, не знающие страха перед грядущим. Юйань искренне их не понимал. Для него самого будущее всегда рисовалось крошечной тьмой, где затаились голодные хищники. Стоит хоть на миг утратить бдительность — и тебя разорвут в клочья.

Не постигал он, как эти люди умудряются видеть в завтрашнем дне лишь свет и триумф.

Эта невидимая броня уверенности очерчивала незримую границу, оставляя его далеко за бортом.

Когда-то он отчаянно пытался притворяться таким же. Но лоск нельзя симитировать — он веками выплавляется из колоссального богатства, власти и сословных привилегий.

Именно поэтому он до сих пор не любил Мо Иньсюэ. Как не любил и всех прочих завсегдатаев поместья Лу. Они принадлежали к полярным, никогда не пересекающимся мирам.

В этот момент Лу Чжэнцину понадобилось отлучиться, и Мо Иньсюэ остался один. Заметив шорох, он повернул голову. Их взгляды встретились через всё пространство тенистого сада.

Проход на террасе был довольно широким, но когда Юйань приблизился, Мо Иньсюэ с бокалом шампанского в руке учтиво отступил на полшага, уступая ему немного места.

Мужчина давно подметил, что этот колючий подросток ревностно оберегает свои личные границы и не терпит чужого вторжения.

Юйань скользнул взглядом по свободному пятачку у перил, но подходить не стал. Он замер в паре шагов — ровно на таком расстоянии, чтобы едва уловимый шлейф берёзового дегтя и древесной коры, исходивший от Мо Иньсюэ, не вызывал у него тревоги. Зачерпнув ложечкой торт, он принялся задумчиво ковырять бисквит, не зная, с чего начать разговор.

Юйань совершенно не умел общаться с такими взрослыми мужчинами. Те, среди которых он вырос в трущобах, вечно пахли дешёвым табаком, орали во всю глотку и матерились на рынках.

Мо Иньсюэ же казался полной противоположностью, да и к праздной болтовне явно не стремился.

Мо Иньсюэ понимал: юноше нужно что-то сказать ему — возможно, оправдаться за дневной инцидент с картиной или спросить о случившемся на ужине. Он терпеливо ждал.

Но Юйань упорно молчал, методично поглощая свой десерт. Обыкновенный шоколадный торт с тонкой глазурью, украшенный одиноким листиком мяты — ничего особенного.

И всё же юноша ел с такой сосредоточенностью, словно это была изысканная трапеза. Он аккуратно подбирал ложечкой каждую крошку, не оставляя на тарелке ни следа.

Признаться, Мо Иньсюэ не слишком одобрял характер подростка. В его возрасте мир кажется либо абсолютно чёрным, либо ослепительно белым. Эта бескомпромиссная, колючая гордость казалась взрослому мужчине глупой и совершенно ненужной.

Сделав маленький глоток из хрустального бокала, Мо Иньсюэ решил нарушить молчание:

— Вкусно?

Будучи старшим в своём роду, он редко шутил и привык к тому, что младшие родственники смотрят на него с благоговейным трепетом.

— Очень сладко, — машинально отозвался Юйань.

Ложечка добралась до плотного слоя глазури. Он аккуратно сдвинул кусочек шоколада на край тарелки. Стоило обменяться первыми фразами, как неловкость между ними почти растаяла. Покончив с десертом, Юйань поставил блюдо на мраморные перила, перевёл дух и наконец озвучил то, ради чего подошёл:

— Минеральные краски... они особенные. Некоторые секреты их изготовления были безвозвратно утрачены. Например, те, что использовались в эпоху Сун.

Сказав это, он посчитал свой долг выполненным. Поверит ему Мо Иньсюэ или нет — уже не его забота. Главное, теперь они в расчёте.

Мо Иньсюэ мгновенно уловил суть. Внутри у него шевельнулось искреннее удивление. Юноша подошёл к нему лишь с одной целью — предупредить, что у «Дальнего путешествия к горе Яо» физически не могло существовать цветной копии сунской эпохи. За этим жестом не крылось никакой корысти или желания выслужиться.

— Спасибо, — не выдав своего изумления, Мо Иньсюэ слегка повернул голову.

Юйань облегчённо выдохнул, плечи его расслабились, и он зашагал прочь заметно бодрее.

Мужчина невольно улыбнулся ему вслед.

Мальчик быстро растаял в темноте садовых аллей. На белых мраморных балясинах осталось лишь маленькое фарфоровое блюдце, где сиротливо лежал нетронутый кусочек тёмного шоколада.

С балкона второго этажа за ними пристально наблюдал Лу Ванбэй. Он видел всю сцену от начала до конца. Взгляд его неотрывно следовал за удаляющейся, почти летящей фигурой младшего брата, пока тот не скрылся в дверях дома. Пальцы Ванбэя сильнее сжали бутылку дорогого вина.

Ему вспомнилось, что когда-то, в первые дни после возвращения Юйяня, на его лице тоже сияла такая чистая, искренняя улыбка. Но потом она угасла — так незаметно и безвозвратно.

Возможно, всё пошло прахом из-за вечных капризов и нападок Юйяня на беззащитного Юйнина. Или из-за того, что сам Ванбэй почти каждую ночь просыпался в холодном поту от кошмаров, где вновь и вновь переживал похороны матери.

Теперь же в его голове теснились новые, тревожные вопросы. Зачем Юйянь ищет встречи с Мо Иньсюэ? Почему он столько лет скрывал от собственной семьи, что умеет рисовать?

Какую игру он затеял?

Ванбэй хмуро уставился в темноту, погружённый в свои мысли. Из оцепенения его вывел тихий, робкий голос поднявшегося на балкон Лу Юйнина.

Тот сразу почувствовал неладное и с тревогой спросил:

— Брат, что-то случилось?

— Всё в порядке, — мягко улыбнулся Ванбэй и ласково взъерошил волосы Юйнина.

Глядя в чистые, доверчивые глаза брата, он почувствовал, как раздражение отступает.

Но Юйнин всё ещё колебался. За маской кротости он отчаянно пытался скрыть грызущую его тревогу:

— Брат... а что, если дядя Ян решит, что я бездарен? Вдруг я ему не понравлюсь?

Ванбэй нежно погладил его по голове:

— Не бойся. Я достану для тебя всё, что ты пожелаешь. И всегда, слышишь, всегда буду тебя защищать.

Юйнин удивлённо вскинул глаза, но расспрашивать не решился.

Когда они спустились обратно в зал, Ванбэй по-прежнему мёртвой хваткой сжимал в руке бутылку вина.

В ту ночь Ванбэю приснился редкий, давно забытый сон.

Он снова стал маленьким мальчиком.

В старом саду весенний ветер лениво колыхал ветви молодых вязов. По сочной зелёной траве рассыпались золотые искры полуденного солнца.

Маленький Юйань уткнулся лицом в его спортивные штаны и заливался горячими слезами:

— Братик... обезьянка пропала!

— Я же велел тебе следить за ней! — ворчал маленький Ванбэй в спортивном костюме, раздражённо постукивая по траве баскетбольным мячом. — Потерял — я-то что сделаю? Пропала и пропала, нет её больше!

«Обезьянка» была старой тряпичной игрушкой из цирка — забавный зверёк, обнимающий банан. Младший брат не засыпал без неё ни на одну ночь. Она давно истрепалась, швы разошлись, а набивка свалялась. Сегодня у мамы наконец лопнуло терпение, и она выбросила этот хлам. И надо же было Юйаню прицепиться к Ванбэю именно тогда, когда тот собрался во двор поиграть в баскетбол.

Но малыш расслышал только страшные слова «пропала» и «больше нет». Он разревелся ещё пуще. Его заплаканные, покрасневшие глаза уставились на старшего брата — всемогущего и способного решить любую беду:

— Но... но ведь она мой лучший друг!

— Ну что мне с тобой делать! Жди здесь! — вздохнул старший брат.

Он бережно отцепил от себя ревуший живой комочек, отшвырнул мяч в сторону и, подхватив Юйаня на руки, усадил его на садовую деревянную лошадку:

— Это в последний раз, понял? Сиди тихо и жди, я сейчас её принесу.

— Поклянись, — хныкнул малыш, шмыгая носом.

— Ладно, давай мизинчик. Когда это я тебя обманывал? — примирительно улыбнулся Ванбэй.

Они сцепили пальцы — крошечный детский и чуть побольше.

Юйань мгновенно вытер слёзы и послушно замер на расписной деревянной качалке. Он мерно болтал пухлыми ножками, не сводя круглых, сияющих глаз с ворот усадьбы. Никакие уговоры домашних не могли сдвинуть его с места — он ждал своего героя.

Когда солнце начало клониться к горизонту, заливая сад густым золотисто-багряным светом, у

ворот наконец показался запыхавшийся Ванбэй. Он лихо рулил велосипедом одной рукой, а другой победно размахивал заветной игрушкой.

— Братик! — восторженно завопил малыш и, соскочив с лошадки, забавным пухлым снарядом ринулся навстречу.

— Ну вот, видишь? Я же обещал! — мальчик на ходу спрыгнул с велосипеда и подхватил братишку на лету, крепко прижимая к себе.

Юйань весело рассмеялся, пряча личико у него на плече, и прошептал:

— Братик у меня самый-самый лучший...

— Ну и потяжелел же ты, поросёнок! Ладно, я всегда буду дарить тебе всё, что ты захочешь. И всегда-всегда буду тебя защищать.

— Всё наоборот! Мама говорила, что это Аньань защищает своего старшего братика!

Лу Ванбэй резко открыл глаза и сел на постели, тяжело дыша и опираясь рукой о матрас.

Кошмары давно стали его неизменными спутниками, но этот сон оставил после себя совсем иное, странное и горькое послевкусие.

Лишь спустя несколько минут до него дошло воспоминание: в тот день он действительно объездил половину города, чтобы разыскать точно такую же обезьянку взамен выброшенной.

Но... что толку теперь ворошить былое? Юйань вырос капризным эгоистом, разрушил их семью и погубил собственную мать.

Ванбэй сощурился, прогоняя из мыслей тёплый призрак из далёкого прошлого, и решительно запер в глубине души вспыхнувшее было тепло.

<http://bllate.org/book/19801/1995416>